18+

Владимир Малянкин

Синтаксис чужих грехов

Владимир Малянкин

Синтаксис чужих грехов

«Издательские решения»

Малянкин В.

Синтаксис чужих грехов / В. Малянкин — «Издательские решения»,

Закрытый пансион «Вороний плес», затерянный среди мрачных карельских скал, хранит слишком много тайн. Семь месяцев назад здесь при загадочных обстоятельствах погиб лучший ученик академии Даниил Корсаков. Официальная версия гласит: несчастный случай. Но его сестра Агата знает, что Даниил панически боялся высоты. Желая докопаться до правды, Агата поступает в академию по стипендии. В ее руках — зашифрованный дневник брата и обрывки старых архивных дел.

© Малянкин В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Мертвые глаголы 7
Глава 2. Стекло и белладонна 11
Глава 3. Дело №44 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Синтаксис чужих грехов

Владимир Малянкин

© Владимир Малянкин, 2026

ISBN 978-5-0071-5041-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Синтаксис чужих грехов»

—

Жанр: Young Adult, детективная дарк-академия, психологический триллер, романтика (троп *academic rivals to lovers* — от академических соперников к возлюбленным).

—

Аннотация: В закрытом пансионе «Вороний плес», затерянном среди карельских скал, изучают древние языки и криптографию. Восемнадцатилетняя Агата переводится сюда по стипендии после загадочной гибели старшего брата — лучшего ученика академии, чей дневник полиция так и не смогла расшифровать. Чтобы узнать правду, Агате приходится вступить в закрытое общество «Апостроф» и объединиться со своим главным конкурентом за грант — холодным и высокомерным Марком Вересаевым, который был последним, кто видел ее брата живым.

Пролог

Ноябрь в «Вороньем плесе» пах гнилой хвоей, старой бумагой и жженым воском.

Агата остановилась перед коваными воротами, сжимая в промерзших пальцах ремешок дорожной сумки. Над головой с пронзительным скрипом качалась вывеска с гербом академии — две переплетенные змеи, кусающие лезвие пера. Семь месяцев назад из этих ворот вынесли закрытый гроб с телом ее брата. Официальное заключение гласило: несчастный случай на скалах. Но Агата знала, что Даниил панически боялся высоты и никогда бы не подошел к обрыву по собственной воле.

В кармане ее пальто лежал кожаный блокнот, исписанный строчками на мертвом диалекте, который преподавали только здесь, в стенах этого каменного лабиринта. На последней странице кривым, ломающимся почерком была выведена всего одна фраза на русском: *«Не верь тем, кто читает между строк»*.

— Первокурсницам запрещено стоять у ворот после отбоя, — раздался из тумана низкий, чуть хриплый голос.

Из тени высоких елей вышел высокий парень в расстегнутом темно-синем бушлате с серебряной нашивкой старосты. Холодный свет фонаря скользнул по его острым скулам и остановился на темных, внимательных глазах. В руке он держал потухшую сигарету.

— Я не первокурсница, — ответила Агата, не отводя взгляда. — Я по переводу. На место Даниила Корсакова.

Парень замер. На долю секунды его безупречная маска равнодушия дала трещину, но он тут же усмехнулся одними уголками губ.

— Значит, фамильное безумие у вас в крови, — произнес Марк Вересаев, делая шаг ей навстречу. — Добро пожаловать в ад, Корсакова. Надеюсь, ты умеешь плавать лучше, чем твой брат.

Глава 1. Мертвые глаголы

Главный корпус «Вороньего плеса» напоминал скелет гигантского кита, выброшенного на скалистый берег Ладоги. Внутри было сыро и гулко. Сводчатые потолки терялись в полумраке, а узкие стрельчатые окна не столько пропускали тусклый карельский рассвет, сколько удерживали внутри вековую тень.

Агата шла по галерее второго этажа, сверяясь с расписанием, отпечатанным на плотной желтоватой бумаге. Ее каблуки звонко цокали по каменным плитам, нарушая стерильную тишину коридора. В восемь утра здесь пахло горьким эспрессо, мелом и средством для полировки старого дуба.

Аудитория №14 располагалась в самом конце северного крыла. Когда Агата толкнула тяжелую дверь, полтора десятка голов синхронно повернулись в ее сторону. Разговоры оборвались, будто кто-то разом выдернул шнур из розетки.

Студенты в одинаковых темно-синих жилетах с серебряным шитьем рассматривали ее с холодным, оценивающим любопытством хищников, к которым в вольер случайно забрела чужая особь. В «Вороний плес» не переводились в середине осеннего семестра. Сюда поступали по праву рождения, по протекции министерских кабинетов или — в редких случаях — благодаря гениальности, доказанной на закрытых олимпиадах. Даниил относился к последним. Агата же для них была всего лишь бледной тенью погибшего брата.

Ее взгляд скользнул по амфитеатру старых деревянных парт и зацепился за верхний ряд у окна. Марк Вересаев сидел, небрежно откинувшись на спинку скамьи, и крутил между пальцами перьевую ручку с массивным золотым пером. В утреннем свете его темные волосы казались почти воронеными, а под глазами залегли еле заметные тени. Встретившись с ней взглядом, он едва уловимо приподнял бровь — словно проверял, не сбежала ли она первым же утренним поездом обратно в Петербург.

Агата демонстративно проигнорировала его и поднялась по ступеням во второй ряд, выбрав единственное полностью свободное место — парту у самого края, рядом с массивной гранитной колонной.

Как только она опустилась на жесткую скамью и положила перед собой сумку, по аудитории прокатился едва слышный шепот. Девушка с идеально гладким каре, сидевшая через проход, брезгливо поджала губы.

Агата опустила глаза на столешницу — и ее пальцы мгновенно похолодели.

Под слоем темного лака, в самом углу, рядом с бронзовой выемкой для чернильницы, дерево было глубоко расцарапано чем-то острым. Буквы складывались в короткую строчку на латыни, но с характерным наклоном и росчерком на конце буквы «t» — точно так же Даниил всегда подписывал свои черновики дома:

«Sanguis in lapide non exarescit». Кровь на камне не высыхает.

Это было его место. Именно за этой партой он сидел семь месяцев назад. И именно поэтому никто из студентов не решался ее занять.

— Госпожа Корсакова, если вы закончили изучать инвентарь, мы, пожалуй, начнем, — сухой, дребезжащий голос заставил Агату вздрогнуть.

На кафедру поднялся высокий сутулый мужчина лет шестидесяти в безупречном твидовом костюме-тройке. Его седые волосы были гладко зачесаны назад, а за тонкими стеклами очков без оправы блестели выцветшие, водянистые глаза. Профессор Игнатий Львович Звягинцев — декан факультета древней филологии и научный руководитель Даниила. Человек, который прислал их матери соболезнования на официальном бланке академии, даже не потрудившись написать пару строк от руки.

— Прошу прощения, профессор, — ровно произнесла Агата, открывая чистую тетрадь.

— Ваш брат отличался завидной пунктуальностью, — заметил Звягинцев, поворачиваясь к доске и беря кусок мела. — Впрочем, как и излишней самонадеянностью при переводе архаичных текстов. Посмотрим, какую из его черт унаследовали вы.

Мел с противным скрежетом заскользил по темной поверхности. Профессор вывел сложную синтаксическую конструкцию на старогреческом с вкраплениями малоазийского диалекта.

— Контекстуальный анализ, господа, — Звягинцев постучал мелом по последнему слову во фразе. — Перевод и скрытая семантика. Вересаев, прошу.

Марк даже не пошевелился, продолжая смотреть на доску сквозь полуопущенные ресницы.

— «Тот, кто отпирает врата без ключа, платит дважды: монетой привратнику и языком — тишине», — его голос звучал размеренно и чуть лениво, словно он читал меню в придорожном кафе. — Классическая формула клятвы элевсинских мистов. Нарушение тайны карается немотой или смертью.

— Безупречно, как всегда, Марк Андреевич, — Звягинцев одобрительно кивнул. — Корсакова, вы согласны с трактовкой коллеги?

Агата внимательно всмотрелась в окончание глагола на доске. В груди глухо стукнуло сердце — точно такую же грамматическую инверсию она видела на третьей странице зашифрованного блокнота Даниила, который лежал сейчас на дне ее сумки.

— Лишь отчасти, — громко сказала она.

В аудитории снова повисла звенящая тишина. Кто-то на первых рядах тихо усмехнулся. Звягинцев медленно повернул голову, глядя на нее поверх очков.

— Вот как? Просветите нас.

— Марк перевел глагол в страдательном залоге, как предупреждение для посвященного, — Агата выпрямила спину, чувствуя, как взгляд Вересаева с верхнего ряда буквально прожигает ей затылок. — Но здесь использована редкая форма двойственного числа. Речь идет не о клятве ученика. Это договор двух равных сторон. Правильный перевод: «Мы оба заплатим тишине, если один из нас заговорит». Это не угроза сверху вниз. Это круговая порука.

Звягинцев молчал несколько долгих секунд. Пальцы профессора так сильно сжали кусок мела, что тот с сухим щелчком переломился пополам, и белая крошка посыпалась на лакированные носки его ботинок.

— Любопытная вольность, — холодно произнес декан, отряхивая руки. — Сразу видно отсутствие системной базы. Советую вам больше времени проводить в библиотеке, госпожа Корсакова, а не выдумывать смыслы там, где их нет. Продолжим.

Остаток лекции прошел в вязком, давящем напряжении. Агата механически записывала за профессором, но ее мысли возвращались к надписи на парте и сломанному мелу. Звягинцев узнал эту фразу. Более того — она его напугала.

Когда прозвенел колокол, возвещающий об окончании пары, студенты быстро потянулись к выходу, стараясь не задевать парту Агаты. Она медленно собирала вещи, дожидаясь, пока аудитория опустеет. Ей нужно было сделать слепок или хотя бы четкую фотографию надписи на дереве при дневном свете.

Дверь за последним студентом захлопнулась. Звягинцев уже вышел через боковую дверь лаборантской. Агата достала телефон, навела камеру на вырезанные слова — и в этот момент тень упала прямо на столешницу, перекрывая свет из окна.

Марк Вересаев стоял вплотную к ее парте, опираясь ладонями о деревянный край. От него пахло холодным воздухом, табаком и терпким древесным одеколоном.

— Умный ход, — тихо сказал он, глядя прямо на экран ее телефона. — Подправить меня на первой же паре и попутно ткнуть Звягинцева в то, о чем здесь принято молчать. Ты всегда так ищешь друзей, Корсакова, или у тебя просто инстинкт самосохранения атрофирован?

Агата заблокировала экран и подняла глаза, встречая его тяжелый, нечитаемый взгляд.

— Я не ищу здесь друзей, Вересаев.

— Оно и видно, — он чуть наклонился вперед, сокращая расстояние между ними до непозволительного минимума. Его голос упал до шепота, предназначенного только для нее: — Тогда дам тебе бесплатный совет в память о Данииле. Спрячь его чертов блокнот подальше. И никогда, слышишь меня, никогда не цитируй устав «Апострофа» вслух перед деканом, если не хочешь, чтобы твоя стипендия закончилась на дне того же озера.

Марк выпрямился, сунул руки в карманы брюк и, не дожидаясь ответа, направился к выходу. На пороге он обернулся:

— В полночь у старой оранжереи. Если опоздаешь хоть на минуту — будешь переводить его каракули сама. А без ключа ты свихнешься раньше, чем дойдешь до середины тетради.

Дверь за ним глухо стукнула. Агата осталась одна в пустой аудитории, а ее пальцы невольно провели по шершавым буквам на старом дереве. *Кровь на камне не высыхает.* И Марк Вересаев только что признался, что знает, откуда взялся этот камень.

Глава 2. Стекло и белладонна

Комната №308 в восточном крыле общежития больше походила на монашескую келью, чем на спальню элитного пансиона. Две узкие железные кровати, разделенные тяжелой бархатной шторой, письменный стол на двоих и высокое стрельчатое окно, в которое непрерывно бились мокрые ветви старой сосны.

Соседку Агаты звали Лера Смирнова. Когда Агата вернулась после вечерних занятий, та сидела на подоконнике, поджав под себя ноги в растянутых шерстяных гетрах, и быстро перебирала струны укулеле, не издавая при этом почти ни звука — пальцы едва касались нейлона. На коленях у нее лежал раскрытый конспект по судебной риторике.

— Значит, это правда, — не поднимая головы, тихо произнесла Лера, когда дверь закрылась. Ее светлые, почти прозрачные волосы были собраны в небрежный пучок, сколотый обычным простым карандашом. — Ты села за парту Даниила. И поспорила со Звягинцевым в первый же день.

— Место было свободным, — коротко ответила Агата, сбрасывая мокрый плащ на крючок у двери. — А Звягинцев ошибся в залоге.

Лера подняла взгляд. Ее серые глаза за круглыми стеклами очков казались огромными и пугающе серьезными.

— Звягинцев не ошибается, Агата. Он проверяет. Эту фразу на первой октябрьской лекции он пишет на доске уже десять лет подряд. И всегда ждет, кто заметит двойственное число.

Агата замерла у своего стола, не успев вынуть тетради из сумки.

— Зачем ему это?

— Затем, что обычный студент переведет ее по словарю, как сделал Вересаев, чтобы прикрыть тебя, — Лера спрыгнула с подоконника, отложив инструмент, и подошла ближе, понизив голос до шепота. — Марк прекрасно знает правильный перевод. Все в «Апострофе» его знают. Это первая строчка их кодекса. Но никто в здравом уме не произносит ее вслух перед деканом, потому что тем самым ты расписываешься в том, что знаешь о существовании клуба. Марк специально дал тебе стандартный академический ответ, чтобы Звягинцев отстал, а ты взяла и выложила все карты на стол.

В груди неприятно похолодело. Слова Вересаева после лекции мгновенно обрели пугающе четкий смысл. Он не издевался над ней на паре — он пытался отвести от нее подозрения декана. А она, ослепленная желанием доказать свою правоту, сама загнала себя в ловушку.

— Ты знала моего брата? — прямо спросила Агата.

Лера отвела взгляд к темному окну, по которому стекали мутные дождевые капли, и нервно потерла запястье, где под рукавом свитера виднелся тонкий серебряный браслет.

— Здесь все знают друг друга. В «Вороньем плесе» всего восемьдесят человек на четырех курсах. Даня был… ярким. Слишком громким для этого склепа. До тех пор, пока прошлой зимой его не приняли в «Апостроф». После этого он перестал спать, почти не выходил из архива и постоянно ссорился с Вересаевым. А потом случился апрель.

— Кто еще состоит в этом клубе?

— Официально его не существует, — Лера горько усмехнулась и забралась с ногами на свою кровать, задергивая плотную штору наполовину. — Их всегда шестеро. Лучшие из лучших по древним языкам и криптографии. Я точно знаю только про Марка и Киру Вяземскую — это та блондинка с каре, которая сидела рядом с тобой на латыни. Ее отец в попечительском совете. Остальные носят маски на собраниях. И если сегодня ночью ты собираешься куда-то уйти после отбоя… не говори мне куда. Я хочу доучиться до диплома живой.

Тяжелая бархатная ткань качнулась, отрезая половину комнаты. Щелкнул выключатель настольной лампы за шторой, погрузив пространство в густой полумрак.

Агата не стала расспрашивать дальше. Она дождалась одиннадцати часов, когда по коридору прошагал дежурный комендант, проверяя замки, и дыхание Леры за занавеской стало ровным и глубоким.

Без четверти двенадцать Агата бесшумно выскользнула в окно первого этажа через старую прачечную — маршрут, который Даниил когда-то в шутку описал ей в одном из зимних писем.

Ночной воздух обжег легкие сырым холодом. Туман с Ладоги поднялся такой плотный, что кованые фонари вдоль аллеи светились тусклыми желтыми пятнами, словно волчьи глаза во мгле. Старая оранжерея стояла на отшибе, у самой кромки северного обрыва, где гранитные скалы уходили отвесно вниз, в черную ледяную воду. Именно с этого утеса в апреле сорвался Даниил.

Стеклянный купол оранжереи треснул еще несколько лет назад, и здание давно признали аварийным, но дверь, увитая мертвыми плетями дикого винограда, оказалась не заперта.

Агата шагнула внутрь. Под подошвами хрустнуло битое стекло вперемешку с сухой землей. Здесь стоял тяжелый, дурманящий запах прелой листвы, сырости и чего-то сладковато-горького. В центре зала, среди одичавших папоротников и ржавых чугунных стеллажей, горел одиночный кемпинговый фонарь, отбрасывая причудливые решетчатые тени на запотевшие стены.

Марк сидел на каменном бортике пересохшего фонтана. Перед ним на перевернутом деревянном ящике лежали несколько старых папок и пачка сигарет. Услышав шаги, он взглянул на наручные часы.

— Двенадцать ноль-ноль, — негромко произнес он, и эхо подхватило его голос под высоким стеклянным сводом. — Значит, пунктуальность все-таки семейная. Доставай.

Агата остановилась в трех шагах от него, не вынимая рук из карманов пальто.

— Сначала объясни, почему на первой паре ты соврал Звягинцеву с переводом. Лера сказала, ты пытался меня прикрыть. Зачем?

Марк медленно поднял голову. В неверном свете фонаря его лицо казалось высеченным из белого мрамора — резкие тени под скулами, упрямая складка у губ, холодный блеск темных глаз.

— Смирнова слишком много болтает для человека, который сидит на именной стипендии попечительского совета, — холодно заметил он. — Я прикрывал не тебя, Корсакова. Я прикрывал себя. Если бы Звягинцев понял, что дневник Даниила у тебя, а ты уже начала в нем копаться, к утру в твоей комнате провели бы «плановую проверку пожарной безопасности», и от блокнота не осталось бы даже пепла. А мне нужно знать, что он успел туда записать за последнюю неделю перед смертью.

— Почему я должна тебе верить? По словам полиции, именно ты нашел его куртку на скалах в ту ночь.

— Потому что если бы я столкнул твоего брата с обрыва, я бы позаботился о том, чтобы его чертов блокнот ушел на дно вместе с ним, — отрезал Марк, поднимаясь во весь рост. Он сделал шаг к ней, возвышаясь над Агатой, и в его голосе впервые прорезалась глухая, сдерживаемая злость. — Даниил был моим лучшим другом, Корсакова. Единственным человеком в этой проклятой богадельне, у которого вместо банковского счета в голове были мозги. И за два дня до смерти он пришел ко мне и сказал, что нашел в закрытом фонде библиотеки оригинал протокола 1998 года. А потом заявил, что выходит из игры, потому что «кто-то из шестерых крыса».

Сердце Агаты пропустило удар. Она медленно расстегнула сумку и достала потрепанный кожаный блокнот, но не отдала его в руки Марку, а раскрыла сама на середине, поднося к свету фонаря.

Страницы были испещрены строчками, где греческие буквы чередовались с цифрами и странными астрономическими символами.

— Это не классический шифр замены, — тихо сказала она, чувствуя, как плечо Марка почти касается ее плеча, когда он склонился над страницами. От него веяло жаром, контрастирующим с ледяным сквозняком оранжереи. — Здесь плавающий шаг. Каждая строчка меняет кодировку в зависимости от первого знака. Я билась над этим полгода.

— Потому что это шифр Виженера, наложенный на фонетическую сетку малоазийского диалекта, — пробормотал Марк, и его длинные пальцы осторожно коснулись края страницы, прямо рядом с ладонью Агаты. — Мы с Даней сами разработали эту систему на втором курсе. Чтобы прочитать текст, нужно кодовое слово-ключ из шести букв. Оно меняется каждую неделю.

— И какое слово было на первой неделе апреля?

Марк нахмурился, вглядываясь в последнюю запись, сделанную неровным, спешным почерком: *«Не верь тем, кто читает между строк»*.

— Ключом всегда служило латинское название растения из этой оранжереи, которое цвело или плодоносило в тот месяц, — он обвел взглядом темные заросли вокруг них, остановившись на высоком кусте с черными блестящими ягодами в углу зала. — Но в апреле здесь ничего не цвело, кроме… *Atropa*. Красавка. Белладонна. Яд, который в малых дозах расширяет зрачки и позволяет видеть в темноте, а в больших — останавливает сердце.

Он быстро притянул к себе чистый лист бумаги из папки, выхватил перьевую ручку и начал стремительно выписывать таблицу соответствий, подставляя буквы слова *ATROPA* под последние строчки дневника Даниила. Агата затаила дыхание, следя за тем, как из бессмысленного набора символов одно за другим проступают русские слова.

Перо Марка вдруг замерло, оставив на бумаге жирную черную кляксу.

На листе четко читались две фразы: *«Встречаемся у маяка в 02:00. Он принесет списки. Если я не вернусь до рассвета — ищи в деле №44 имя Звягинцева и…»*

Конец страницы был оборван — бумага в самом низу имела неровный, обгоревший край, словно Даниил в последний момент пытался сжечь лист зажигалкой.

И в эту же секунду где-то у входа в оранжерею, совсем рядом с ними, в мертвой ночной тишине отчетливо и громко хрустнуло битое стекло под чьим-то тяжелым ботинком.

Марк среагировал мгновенно: одной рукой он сбил фонарь, погружая зал в кромешную тьму, а другой резко дернул Агату на себя, увлекая ее вниз, за каменный бортик старого фонтана, и плотно прижал свою ладонь к ее губам.

Глава 3. Дело №44

В темноте звук чужих шагов казался оглушительным. Осколки стекла под подошвами незваного гостя скрежетали, как зубы хищника.

Агата сидела на ледяном каменном полу внутри сухой чаши фонтана, прижатая спиной к груди Марка. Его левая рука железным обручем перехватывала ее талию, не давая пошевелиться, а правая ладонь все еще плотно закрывала ей рот. Кожа у него была горячей, с легким, горьковатым привкусом табака и чернил на пальцах. Сердце Марка билось ровно и тяжело где-то между ее лопаток — ни намека на панику, только холодная, выверенная собранность человека, привыкшего ходить по краю.

Луч мощного карманного фонарика вспорол темноту оранжереи, скользнув по ржавым переплетам крыши и зарослям папоротника.

Человек у входа остановился. Судя по тяжелому, с присвистом дыханию и характерному стуку трости с металлическим набалдашником о камень, это был не студент и не охранник. Это был Игнатий Львович Звягинцев.

— Я знаю, что ты здесь, Вересаев, — голос декана прозвучал глухо, отражаясь от стеклянных сводов. — Запах твоего паршивого табака не выветривается даже на сквозняке. И я знаю, что девчонка с тобой.

Марк едва заметно качнул головой, касаясь подбородком виска Агаты: *молчи*. Медленно, миллиметр за миллиметром, он убрал ладонь от ее губ и сунул руку в карман своего бушлата, доставая тяжелую связку старинных латунных ключей.

Луч фонаря приближался, обшаривая стеллажи. Звягинцев шел по центральному проходу, осторожно переступая через битое стекло. До фонтана оставалось не больше пяти метров.

Марк нащупал на дне чаши круглую чугунную решетку старого водостока, бесшумно поддел ее пальцами и сдвинул в сторону. Из черного провала тут же пахнуло ледяной сыростью и ржавчиной — дренажный коллектор, ведущий под фундамент главного корпуса.

Не произнося ни слова, Марк кивнул Агате на узкий лаз. Она стиснула в зубах ремешок сумки, куда уже успела спрятать блокнот и лист с переводом, и без колебаний скользнула вниз, в густую паутину и холодную глину. Дно коллектора оказалось неглубоким — чуть меньше человеческого роста. Через секунду Марк мягко спрыгнул следом и одним выверенным движением вернул чугунную решетку на место прямо над их головами, как раз в тот миг, когда над краем фонтана вспыхнул белый свет фонаря Звягинцева.

Наверху повисла тяжелая пауза. Профессор постоял у бортика, посветил на перевернутый ящик, где еще секунду назад лежали бумаги, тихо выругался сквозь зубы и зашагал к дальнему выходу, ведущему к утесу — очевидно решив, что они выскользнули на скалы.

— Идем, — одними губами произнес Марк, беря Агату за запястье. — У нас есть двадцать минут, пока он проверяет берег и будит охрану.

Они двигались по узкому кирпичному туннелю почти на ощупь. Марк шел первым, уверенно отсчитывая повороты в кромешной тьме, словно знал подземелья «Вороньего плеса» лучше, чем собственные ладони. Его пальцы крепко сжимали ее запястье — сухие, теплые, не позволяющие отстать ни на шаг.

Через сотню метров туннель уперся в кованую винтовую лестницу, уходящую вверх. Марк отпер узкую деревянную дверь одним из своих ключей, и они оказались в крошечной каморке, заставленной списанными бюстами античных философов и связками старых газет. Пахло вековой пылью и мышами.

— Где мы? — шепотом спросила Агата, отряхивая пальто от кирпичной крошки.

— В переплетной мастерской за закрытым фондом библиотеки, — Марк осторожно приоткрыл вторую дверь, выглядывая в полутемный зал с уходящими под потолок дубовыми стеллажами. — Звягинцев пошел к оранжерее не просто так. Кто-то видел, как ты выходила из общежития, и доложил ему. А сейчас, пока сам декан бродит по туману у маяка, его личный архив остался без присмотра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.